

Данный текст любопытен делу Тьмы.
Дневной Дозор

Данный текст небезынтересен делу Света.
Ночной Дозор

Без комментариев.
Без подписи

ПРОЛОГ

Воздух над городом завис душный и тягучий. Николаев изнывал под прессом жаркого июля, но Шведу после тропиков и экваториальных портов было даже слегка прохладно. Воистину, все познается в сравнении, в том числе и комфортная температура.

Он отсутствовал чуть больше двух лет. Два года почти без магии (не считать же усмирение расслабившегося от непривычной пищи и чужой воды желудка?), два года без Дозоров и связанных с ними забот-хлопот. Два года в достаточно ограниченном пространстве с обычными людьми. Нет, на берегу иные Шведу, конечно же, встречались. Но общаться с ними не возникало ни малейшего желания, даже на второй год, когда он с некоторым удивлением обнаружил, что довольно бегло шпарит на том общемировом пиджине, который за пределами Северной Америки и Европы принято считать английским языком. И, что еще удивительнее, прекрасно понимает сказанное в ответ.

Он выпал из привычной жизни на два с лишним года, и это были замечательные два года. Но все когда-нибудь заканчивается.

Швед вышел из маршрутки на углу Октябрьского проспекта и улицы Васляева. Район детства и юности! В этот кинотеатр бегали с друзьями на утренние сеансы; потом, когда подросли, ходили на вечерние. Вон в том книжном шерстили обменный и макулатурный отделы в поисках редких изданий «рамочки», любимых Стругацких и фантастики в целом. Сюда вот многожды заглядывал, когда родители посылали за хлебом, только вместо советского продуктового магазина на углу теперь образовался салон красоты. Впереди по Васляева (тогда еще Театральной) стоит родная школа, в которой грыз разнообразные науки от звонка до звонка десять лет, а напротив — стадион, где знакома каждая кочка, а каждая штанга обоих ворот неоднократно оббита упрямым мячом. А чуть дальше — дворец спорта «Заря»: там Швед еще в дофутбольные времена даже велоспортом и плаванием умудрился позаниматься.

В свое время он очень удивился, когда узнал, что офис николаевского Дневного Дозора расположен непосредственно за забором его родной школы, только не со стороны парадного входа, а со стороны черного. Принято было считать, что в неприметном трехэтажном здании около школы находится архив. Швед никогда не интересовался: архив чего, собственно? И никто не интересовался. Это был просто абстрактный «архив», и, невзирая на то, что перемахнуть через школьный забор было проще простого (почти по всему периметру и лазили все десять лет), никаких особых игрish на его территории Швед припомнить не мог, хотя пару раз туда таки забирались, было дело. Между зданием и забором росли платаны и крупнолистные акации, под ними даже в яркий летний полдень царили сумрак и прохлада — это все, что запомнилось Шведу с тех давних детских визитов на территорию, которую вроде бы никто не объявлял запретной, но куда тем не менее практически не вторгались вездесущие школьники.

У чуть покосившихся решетчатых ворот, крашенных в зеленый цвет, Швед остановился и озадаченно поглядел на небольшой китайский навесной замок, которым оказалась заперта калитка. Сроду эту калитку никто не запирали!

Швед с опаской подергал за металлические прутья: таки да, заперто. Взглянул на входную дверь в здание: тоже закрыта и вроде бы какое-то объявление к ней пришпилено, но от калитки, естественно, его не прочтешь. Воровато зыркнув направо-налево (прохожих поблизости, к счастью, не случилось), он прошел сквозь решетку, словно киношный Терминатор.

«Дожили, — подумал Швед с легкой досадой. — В родимый офис приходится не входить, как положено, а проникать...»

Объявление на двери гласило: «Архив закрыт на неопределенный срок» — и все, больше ни словечка.

Пришлось глянуть из Сумрака. Так и есть: помимо текста — еще и личная печать Исы, заместителя, но объяснений никаких. Ну, и вместо «архив» читалось, естественно, «офис».

«Ну, я вам устрою! — подумал Швед сердито. — Расслабились работнички! Откровенно забили на работу. Небось, по морям прохлаждаются».

«А сам-то?» — ехидно поинтересовался внутренний голос, который обычно принято именовать совестью.

«Я давно готовился! — сам себе ответил Швед, отчетливо сознавая, что оправдывается. — И дела загодя подтянул: должны были без меня справиться!»

Швед скорбно вздохнул и уже приготовился было пройти и сквозь двери, потому что ключа от офиса он не то что не имел, но даже никогда и не видел.

И вдруг дверь открылась.

Сначала Шведу показалось, что сама собой, но в следующее мгновение в полумраке за порогом он разглядел фигуру в сером балахоне.

Швед невольно напрягся.

«Инквизитор, что ли?» — подумал он, словно существовали еще какие-нибудь варианты.

— Входи, Темный! — произнес гость неожиданно высоким голосом, а еще секундой позже Швед понял, что это не инквизитор, а инквизиторша. Голос показался смутно знакомым: Швед определенно его уже слышал.

Фигура в балахоне отступила вглубь помещения, в небольшой холл, где, по идее, полагалось находиться дежурным.

Швед вошел. Дверь за его спиной с легким стуком захлопнулась.

— Поднимайся к себе, там ждут, — сказала инквизиторша и призывно качнула головой в сторону лестницы.

Швед не заставил себя упрашивать. Инквизиторшу он так и не узнал.

Перед дверью в собственный кабинет Швед на миг замешкался, но вовсе не от нерешительности. Он не входил сюда больше двух лет и сейчас внезапно осознал: он не чувствует, что вернулся домой. Кабинет казался чужим. Возможно, из-за присутствия инквизиторов?

Вздохнув, Швед отогнал некстати нахлынувшие мысли и толкнул далеко не парадную дверь — на ней не было никаких табличек; краска местами потрескалась, а кое-где и вовсе облупилась, да и вообще эта дверь уместнее смотрелась бы в каком-нибудь заштатном совдеповском учреждении, нежели в офисе Дневного Дозора полумиллионного города, да еще в кабинете формального главы. Да что говорить — прямоком из совдеповского архива эта дверь и прорвалась в двадцать первый век, даром что с какого-то момента

в учреждении стали хозяйничать не люди, а Темные иные. Советскую власть Швед прекрасно помнил, поскольку при ней родился, вырос и окончил школу. Начало хозяйствования Темных — нет, потому что произошло это до его инициации и даже до рождения.

Швед не смог прощупать кабинет из коридора, поэтому понятия не имел, кто ждет его внутри. Разумеется, инквизиторы, но сколько их и кто именно — неясно. Без сомнений, при них какие-то блокирующие магию амулеты: эта публика обычно подобными штучками охотно пользуется.

Трое. Инквизиторов было трое. Один сидел в новом любимом кресле Шведа (старое любимое находилось дома), второй стоял у окна и пялился на пышные ветви платана, почти достигающие стекла, третий рассеянно листал какую-то книгу у шкафа. Когда Швед вошел, ни один из них не повернул головы, капюшоны все так же оставались надвинутыми на самые брови, под ними царил сумрак — обычный, и разглядеть лицо было невозможно.

— Наконец-то, — буркнул тот, что сидел в кресле. — Мы уж заждались.

— Здравствуйтесь, — как мог спокойно поздоровался Швед.

Он действительно был спокоен: за последние два года магией он практически не пользовался, стало быть, нарушить ничего не мог. Швед физически не мог заинтересовать инквизицию. Если что-нибудь в Николаеве и произошло, то однозначно без его участия. А поскольку глава он формальный, отвечать реальному главе Причерноморья — Сене Кричковскому, обретающемуся, естественно, в Одессе.

Чуть больше двенадцати лет назад главой Темных Причерноморья был назначен Швед, но не продержался в должности и года. Старые иные сочли целесообразным, чтобы в Одессе руководил одессит, а не пришлый. Швед с облегчением сдал дела местному иному и укатил в Николаев, на привычную должность заместителя по Николаеву. С коллегой из Херсона Брумелем, помнится, тогда даже пирушку на радостях закатили. Единственное, чего Швед не понял, — из каких соображений главе украинского Дневного Дозора тогда заблажилось назначить шефом Причерноморья взамен Турлянского его, Шведа, а не сразу одессита Кричковского.

Семен по внешности годился Шведу в отцы, а по возрасту — в деды, а то и в прадеды: его инициировали еще в тридцатые годы прошлого века. Однако Лайк назначил Шведа, а потом, по обыкновению, пропал на несколько лет. Ну, и переиграли без него в конце концов, чтобы всем было удобно. Правда, Швед опасался, что Лайк, едва вернется, снова примется тасовать народ на должностях по своему разумению, но это еще когда случится! А пока

можно пожить прежней жизнью, без вечной головной боли и ненужной ответственности.

— Дмитрий Шведов, Темный иной, заместитель шефа Дневного Дозора Причерноморья по Николаеву! — заговорил сидящий в кресле инквизитор, и Швед его внезапно узнал.

Аристарх Турлянский. Бывший шеф Причерноморья. Тот, кто инициировал нынешнего шефа, Сеню Кричковского. Бывший друг. Ныне — инквизитор, у которого друзей быть не может по определению, больше двенадцати лет уже — аккуратно с памятной операции в Санкт-Петербурге, когда умиряли дикарей ямайца, а чуть позже — и самого ямайца.

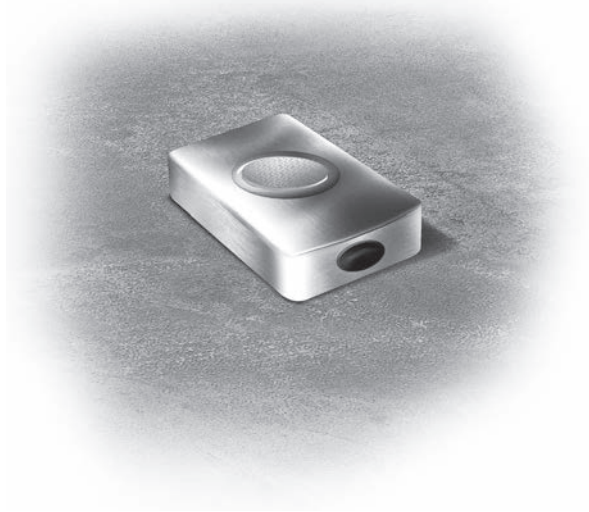
— Тебе вменяется в обязанность в кратчайший срок прибыть в Киев и возглавить тамошний Дневной Дозор, — бесстрастно проговорил инквизитор и умолк.

— Ч-чего? — выдавил ошарашенный Швед. — Вы в своем уме, господа хорошие?

Турлянский чуть приподнял голову, и Швед наконец-то увидел его глаза. Холодные и бесстрастные глаза инквизитора. Такие знакомые и одновременно такие чужие.

«Елки-палки! — подумал Швед, чувствуя, что его охватывает неизбежная паника. — Что ж тут без меня происходило, а?»

— Можешь задавать вопросы, — неожиданно позволил инквизитор. — Но немного и дельные. У нас мало времени.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Д о Киева Швед доехал в полном смятении чувств. Случившееся не укладывалось в голове. Главой украинских Темных с незапамятных времен был иной, которого в последние годы именовали просто Лайком. Фамилию Шереметьев он носил вряд ли дольше двухсот-трехсот лет. Самые старые иные, например, глава Дневного Дозора Москвы Завулон, иногда называли Лайка Тавискароном. Швед как-то глянул в мифологический словарь и выяснил, что это какое-то древнее индейское божество. В общем, возраст Лайка наверняка исчислялся тысячами лет. Возраст Завулона, без сомнения, тоже. Руководители Ночных Дозоров Москвы и Киева — Гесер и фон Киссель — успели прожить сопоставимые сроки, тем более что Лайк как-то обмолвился, что фон Киссель приходится ему родственником, чуть ли не братом.

Шведу от роду было сорок три, инициировали его тридцать три года назад. По сравнению с долгожителями Завулоном и Лайком, он даже не младенец. В лучшем случае — сперматозоид. Опыт его смело можно было счесть нулевым. Магическая сила на пиках соответствовала хорошему второму уровню; правда, в последние два года Швед совершенно не практиковался, поэтому наверняка съехал к третьему. Разумеется, на Украине и раньше, и ныне действовали иные, давно вышедшие из категорий, но все они по тем или иным причинам наотрез отказывались сотрудничать с Дозорами, хотя уложения Договора в целом блюли неукоснительно. С теми же, кто сотрудничал, за последние два года что-то произошло. Лайк исчез еще раньше, верховная ведьма Лариса Наримановна тоже как сквозь землю канула, причем инквизиторы заверили, что если Швед ее (да и Лайка тоже) когда-нибудь и увидит, то лишь в чрезвычайно отдаленном будущем. Иракий в очередной раз увлекся политическими играми и от дозорных дел начисто отошел.

Из инквизиторов информацию пришлось вытаскивать чуть ли не клещами, да и ответили они всего на несколько вопросов, после чего оставили Шведу официальную директиву из Праги, подписанную также бернскими адептами, и ушли вглубь Сумрака. Прямо в офисе Дозора!

Такого Швед со своим мизерным опытом еще не видывал. Поверхностные справки, наведенные сразу после их ухода, дали следующее: Дневной Дозор Киева разгромлен; офис — знаменитый «Дом с химерами» на Банковой — захвачен людьми, и теперь там обосновался президент Украины. Куда подевались архив и артефакты-амулеты из запасников, неизвестно, однако тут можно и не гадать: на все наложила лапу инквизиция. Иные от третьего уровня и выше спешно покинули Киев и крупные украинские города более года назад, включая даже харьковского домоседа Шиндже, но в последние пару месяцев начали помаленьку возвращаться.

Более того, в московском Дневном Дозоре дела тоже шли далеко не блестяще: из Высших иных в строю остался лишь Завулон, в то время как у Светлых действовало сразу несколько Высших магов и волшебниц.

Оставалось предположить следующее: в Восточной Европе весы заметно качнулись в пользу Света — до такой степени сильно, что забеспокоилась сама инквизиция. Пражско-бернская директива открытым текстом предписывала ему, Дмитрию Шведову, Темному магу второго уровня, с нуля на опустевшем месте организовать в Киеве работу Дневного Дозора, после чего, вероятно, явится кто-нибудь помощнее-поопытнее и все возглавит.

В принципе, это укладывалось в представления Шведа, если только предположение о приходе в будущем сильного и опытного иного верно. Высшие иные любят, когда рутинную работу за них выполняет молодняк. И тем не менее Шведу казалось, что его чисто человеческого опыта для Киева категорически недостаточно. Николаев — еще туда-сюда. Ну, в крайнем случае — Причерноморье. Но вся Украина? Не его уровень.

В Одессу Швед тоже звонил, нарвался на автоответчик. Кричковского или Коберника отловить не получилось даже методами иных. Видимо, там воцарился тот же бардак, что и в Николаеве, где, кстати, отыскать никого внятного, опять же, не удалось, только совсем уж желторотиков из компьютерного отдела.

Иса исчез решительно, без каких-либо следов. Брумель сообщил, что отдыхает на Сейшелах и возвращаться собирается не раньше октября. Зато отозвался Симонов из Винницы. Там у них, в свою очередь, грянули разброд и шатания: офис закрылся, народ расползся, сам Симонов никуда не умотал только по чистой случайности. Швед велел ему выезжать в Киев и принялся вызывать киевлянина Ефима.

В принципе, у Шведа даже сложился примерный план первоочередных действий. Найти Ефима, а еще хорошо бы — Димку Рублева, затем подыскать правильное помещение под офис и прошерстить киевский молодняк на предмет толковых и достаточно сильных магов. Если нужно, подтянуть как в теории, так и в практике. Второй уровень Шведа — конечно, не предел мечтаний для учителя, но новичков с седьмого по пятый уровень даже он вполне мог изрядно поднатаскать. Правда, что сможет противопоставить эта свежеобученная желторотая гвардия матерым киевским Светлым, у которых и Высших магов хватает, и первого уровня в достатке, даже думать не хотелось. Но надо же с чего-то начинать?

И тут Швед задумался вот о чем: Тьма побери, а ведь он уже фактически начал работать, раз составил мысленный план действий! Значит, инквизиция была не так уж и неправа, избрав для этой миссии его, мага невысокого второго уровня, тем более что Высших под рукой нет совсем, а первый уровень — в лучшем случае на Сейшелах, а в худшем — вообще неизвестно где и неизвестно, надолго ли...

В общем, присидев около часа с телефоном у уха, Швед не стал дожидаться вечернего поезда, рванул на автовокзал и еще до полудня выехал в Киев рейсом «Гюнсела».

Новизну Швед почувствовал сразу: во-первых, после сонного Николаева столица глянулась ему непривычно людной и суетливой, а во-вторых, рядом с автовокзалом наконец-то открыли обещанную еще при социализме станцию метро, и не нужно было, как раньше, тащиться через мост до Лыбидьской.

Швед без задержек доехал до Контрактной площади, поднялся на поверхность и зашагал к бывшей улице Ратманского; нынешнего названия он не помнил, да не особенно и старался запомнить. На Подоле каждый дом и каждый угол напоминали много о чем, так и подмывало остановиться и ностальгически повздыхать. А еще лучше — завернуть в первую попавшуюся пивную, благо подобных заведений на Подоле всегда было в достатке. Но Швед сдержался.

Подходя к обыкновеннейшей пятиэтажке, в которой добрых полвека жил Дима Рублев и которую ни на что не желал менять, Швед явственно почувствовал: Рублева нет дома, причем уже давно. Там вообще никого нет: ни хозяина, ни его стаи.

Рублев был магом-оборотнем. Неудивительно, что дома у него всегда обитало несколько собак. Однако квартира все еще была неплохо защищена магическими щитами, и внутри не ощущалось ничего чужого.

«Небось, тоже на Сейшелы умотал...» — подумал Швед с неизбежной досадой, но все-таки поднялся на четвертый этаж, благо код на двери подъезда со старых времен никто сменить не удосужился.

В щель между Рублевской дверью и уплотнителем было вставлено несколько бумажек — то ли счетов за квартиру, то ли еще чего-то подобного. Швед не стал разглядывать. Нет никого дома, ясно и так.

Тем не менее Швед позвонил и битых пять минут топтался перед дверью. Вдруг у Рублева какая-нибудь тревожная ниточка налажена? Услышит, проверит и объявится.

Но тщетно: даже шагнув в Сумрак Швед ничего так и не учуял, только синий мох напрасно разбередил.

«Первый мимо», — подумал он, выходя из подъезда во двор. И почти сразу ощутил: сейчас зазвенит мобильник.

Так и есть — звонок. Швед нарочито медленно полез в карман и вынул телефон.

Звонил Ефим.

«Хоть этот отыскался без проблем!» — обрадовался Швед и ответил.

— Привет, Фима.

— Привет. Ты, говорят, в Киеве?

— Да, приехал как раз. Зашел к Рублеву, но его нет.

— Рублевы на даче, в Глевахе.

— Хм! — удивился Швед. — Рублевы?

— Димка женился. Уже и ребенок родился. Ты не знал?

— Откуда? — пробормотал Швед. — На даче, значит... А в которой Глевахе?

— Которая по Одесской трассе. Можно смотаться. А то я слышал, ты не просто так приехал, а вроде как по делам.

— Во блин, — проворчал Швед. — Уже и слухи пошли. А от кого слышал-то?

— Да тут молодежь уверяет, будто бы тебя прислали Дозор из руин поднимать. Это правда?

— Правда.

— Отлично! — Ефим явно обрадовался. — А то Светлые вообще оборзели: вяжут по рукам и ногам, даже законные лицензии выдавать перестали. Вампиры того и гляди браконьерствовать начнут. Где встречаемся?

— У тебя машина есть? — вопросом на вопрос ответил Швед.

— Найду. Какие проблемы?

— Я бы все-таки съездил к Рублеву. А по дороге тебя бы послушал: чего тут вообще случилось, пока я по морям болтался.

— Ты на Подоле, я правильно понял?

— Угу. У Рублева во дворе.

— Выходи к «Октябрю», подъеду по Фрунзе.

— Понял. До связи.

Ефим отключился. Он всегда был таким шустрым! Не зря вальжный Лайк в свое время спихивал бóльшую часть организационно-администраторской работы именно на Ефима. Если точнее, так оно обстояло на памяти Шведа: Ефим был всего на несколько лет моложе его самого. На кого Лайк спихивал эту работу прежде, в восьмидесятые и раньше, Швед не знал — не было повода поинтересоваться. Но мог поручиться, что спихивал: не любят старые иные рутинных каждодневных забот.

Ефим примчался довольно быстро — Швед только-только успел выйти на трамвайную остановку у кинотеатра. Кто сидел за рулем ухоженной BMW-шки, ему не пришло в голову интересоваться. Обычный человек, не иной. Взгляд отрешенный, руки крепко держат руль, аж костяшки пальцев побелели.

Ефим сидел позади водителя и предупредительно приоткрыл дверь, едва автомобиль остановился в метре от Шведа.

— Садись... шеф! — Ефим самым хулиганским образом ухмыльнулся.

Швед уселся рядом с ним. Легкий пасс Ефима в сторону водителя, и они тронулись.

— Вот ты ржешь, — проворчал Швед, — а прикинь, каково мне было инквизиторов выслушивать? Вломилась в запертый офис — защита пофиг... При Лайке даже Совиную Голову, помнится, сначала наружу провожали, а потом уж он в Сумрак уходил. Или куда там они обычно ходят... А эти — шарах-бабах прямо в кабинет! И потом — из кабинета.

— Ишь ты, — удивился Ефим. — Значит, наша защита им не помеха? Надо бы запомнить.

Швед саркастически уточнил:

— Наша с тобой защита им вообще до лампочки. В николаевском офисе защиту плел Лайк собственной персоной, и до сегодняшнего утра я был свято убежден, что она надежна и непроходима.

Ефим тяжело вздохнул в бороду:

— Вот так и развеиваются юношеские иллюзии.

— Философ, — проворчал Швед. — Ладно, рассказывай, что тут без меня стряслось. Как офис на Банковой прощелкали?

— Сам не пойму, — Ефим пожал плечами. — Что-то произошло в высших сферах. Лайк исчез, Лариса Наримановна исчезла, Иракий вообще все дозорные дела забросил: в Раде ошивается, того и гляди депутатом станет, хотя на хрена это ему нужно — никак в толк не возьму. Свободные Темные навострили лыжи из Киева кто куда, да и из других больших городов, я слышал, тоже.

Про офис я вообще случайно узнал. Не поверишь — в интернете прочитал: мол, в «Дом с химерами» перебирается наш любимый Президент, чтоб он был здоров... Это я прошлого президента имею в виду, хотя нынешний тоже чтоб был здоров в том же смысле. В общем, прочитал и сначала не поверил, решил, балуется кто-то из журналистов — высосал из пальца сенсацию, тиснул не глядя, да и все. А неделку спустя наладился в офис за ноутбуком заскочить — и облом мне вышел по полной программе: Светлые на страже. Не пропустили. Я пытался права качнуть, но тут является лично фон Киссель и заявляет эдак многозначительно: не советую, мол, съедят. И улыбается, гад, кривенько... Я тогда про архив заикнулся, про запасники, про личные вещи, в конце концов: у меня там основной ноутбук, между прочим, еще с Питера лежал, я за ним и приходил. Куда там! Тоже инквизицию приплели, а перед этими, сам понимаешь, права качать бесполезно. В общем, «Гуляй, мальчик, — сказали мне. — Офиса ДД тут больше нет и не будет». И, как назло, никого из наших зубров, вообще никого! Я первое время надеялся, что кто-нибудь вернется, кулаком по столу грохнет... Фиг вам! Поэтому когда мне про тебя рассказали, я сначала не поверил, а потом, уж прости за прямоту, подумал: «Ну пусть хоть Швед, если не кто-то из суперов...»

— Когда рассказали-то?

— Вчера.

— Вчера? — Швед очень удивился. — Значит, инквизиция нарочно утечку допустила. Со мной они говорили сегодня утром.

Ефим невесело вздохнул.

— Но, с другой стороны, — сказал он чуть погодя, — без Дозора и жить как-то спокойнее. Никуда бегать не надо, делай что хочешь... Светлые обнагтели, конечно. Но если разобраться, нам-то что? Вампирам да оборотням, понятное дело, не сахар — без лицензий-то. А нам, магам, в общем, вольготно. Я уже и забыл, как это — столько свободного времени!

— Если в Киеве действует Ночной Дозор, — мрачно произнес Швед, — значит, и Дневной будет.

В его голосе прозвучала холодная и спокойная решимость, отчего Ефим даже подобрался, хотя только что сидел расслабленно.

— Так, — сказал он деловито. — К Рублевым, значит, едем?

— Да.

— Понятненько...

И Ефим взялся вести машину сквозь гигантскую пробку, в которую давно уже превратился Киев. Им предстояло миновать центр, пробиться к московской площади, потом в сторону Выставки, и дальше по Одесской трассе.

В девятом часу вечера буднего дня это была не такая уж и простая задача, но Ефим еще при Лайке прекрасно освоил транспортные фокусы: сейчас он вроде бы только за дорогой следил, хотя продолжал держать шофера на поводке, словно опытный кукловод. Тасовал вероятности, воздействовал на водителей соседних и передних автомобилей, расчищал путь, и получалось у него все это прекрасно — Швед даже залюбовался. Однако к Одесской площади Ефим все равно слегка взмок.

Шведу редко приходилось обращаться к магии во время поездок по Николаеву — эпоха пробок в провинции еще не настала, хотя уже вполне просматривалась на горизонте. И уж, конечно, никаких пробок и в помине нет на воде. Океан шире любой автострады, в нем всем места хватает. Поэтому Швед Ефиму не мешал, просто лениво поглядывал на проплывающий за тонированным окошком город. Еще совсем недавно — лучший город мира.

Но Киев изменился. Неуловимо изменился, и, к великому сожалению, не в лучшую сторону. И это, черт возьми, как-то связано с исчезновением сильных Темных. Швед это остро чувствовал. У всего этого общая причина, иначе и быть не может.

По трассе ехалось быстрее, чем в городе. Швед не успел толком поразмышлять над собственными ощущениями, как BMW свернул направо, а вскоре оказался на дороге, ведущей к дачным участкам. Попетляв меж домиков и садилов, водитель притормозил перед зелеными воротами с табличкой «274».

— Приехали, — объявил Ефим, открывая дверь.

Швед тоже выбрался из машины. Из-за ворот глухо гавкнули.

— Свои, Симба! — миролюбиво сообщил Швед.

— Это не Симба, — тотчас поправил Ефим. — Симба уже все, а это Амба. Как раз и познакомитесь.

«Два года, — напомнил себе Швед. — Два года! С хвостом. Нельзя об этом забывать».

— Машину отпускать? — деловито поинтересовался Ефим, когда Швед хлопнул дверцей и повернулся было к воротам.

Швед невольно задумался. С одной стороны, от Рублева быстро не выберешься, сколько раз Швед в этом убеждался. А с другой — жена, ребенок... Кто его знает, как теперь Дима относится к традиционным посиделкам?

— Отпускайте, — проворчал из-за ворот невидимый пока Рублев. — Мои все равно уехали.

Швед облегченно вздохнул и тут же с некоторой тревогой подумал: «Вот дьявол! Это что же мне — опять каждый раз маяться выбором даже по самому пустячному поводу? Да будь оно неладно, начальническое кресло!»

Недолгое пребывание в должности начальника Дневного Дозора Причерноморья не оставило у Шведа сколько-нибудь приятных воспоминаний. Когда пришлось освободить должность, он только с облегчением вздохнул. И вот все возвращается, причем теперь-то все посерьезнее. Дневной Дозор Киева! И автоматически — всей Украины.

«Елки-палки! — подумал Швед. — Ну я и тормоз! Только сейчас начинает по-настоящему доходить!»

— Ну вы там входите или нет? — с легким раздражением спросил из-за ворот Рублев. — Я уже замаялся Амбу держать!

Швед встрепенулся, отвлекаясь от мыслей. Пока он в очередной раз осознал масштабы свалившейся ответственности, машина, как выяснилось, уже укатила, а Ефим с вопросительным выражением на лице стоял у самой калитки, держась за рукоятку, но не поворачивая ее.

— Вот и Лайк так, бывало, идет-идет, а потом бум — и встал! — глубоко-мысленно сообщил Ефим, заметив, что Швед вернулся в реальность. — Глаза с поволокой, глядит в никуда и улыбается чему-то загадочно так, со смыслом... А минут через пять встрепенется — и дальше шагает, как ни в чем не бывало.

Швед не нашелся, что ответить.

— Открывай, Цицерон! — буркнул он Ефиму. — Амбу, по слухам, держат! Ефим немедленно повернул рукоятку и толкнул калитку плечом.

Амба оказался если не абсолютной копией Симбы, то уж точно очень близкой. Отличался разве что чертами и выражением морды. Подбежал, обнюхал, пофыркал и вернулся к хозяину. Остальная бульдожья мелочь просто повертелась под ногами и убралась с солнцепека в сад.

— Похож, — сказал Швед со значением, протягивая руку Рублеву.

— Знаю, — усмехнулся тот, пожимая. — Привет, Ефим! Проходите. Во-он туда, в беседочку. Я сейчас чайник принесу. Или, может, чего покрепче чая? Я не буду, а вы — вперед, если что.

— Давай потом, — предложил Швед. — Пива у тебя все равно нет, а поговорить надо. Про дела под сто грамм я разучился, знаешь ли.

— И правильно, — кивнул Рублев. — Взрослеешь.

Ефим поглядел на Шведа с немим удивлением.

— Чего? — Швед перехватил его взгляд.

— Ну вы, блин, даете! — покачал он головой. — Пить побросали! Может, еще в «Зеленый Крест» запишетесь?

— Между прочим, полезное дело, — проворчал Швед. — «Зеленый Крест» китов защищает. Кто хоть раз китов своими глазами видел, тот не позволит их убивать.

— А ты видел, что ли?

— Видел, — пожал плечами Швед. — Даже трогал. Они теплые, прикинь! Вот мозгами знаешь, что теплые, а как потрогаешь — все равно удивляешься.

Ефим вздохнул и в который уже раз за сегодня покачал головой:

— Что творится, смотрим с грустью...

— Ничего, скоро и ты повзрослеешь, — сообщил Рублев, успевший вернуться из домика с чайником в руках.

В беседке помещался уютный круглый столик — как бы не тот самый, за которым было столько просижено и выпито на Подоле во времена, когда взгляды Шведа и самого Рублева еще не предполагали разговоров без алкоголя. Чай, чашки, печенюшки в хрустальной вазе, сахар в серебряной сахарнице — все нашлось на этом столе. Даже скатерть. Только чайника не хватало, но его как раз и принес хозяин.

— Все никак двести двадцать не протяну, — сокрушенно признался Рублев. — Приходится в дом бегать.

— Зато худеешь, калории тратишь безо всякой магии, — встрял Ефим. — Это полезно.

Рублев поглядел на Ефима совершенно по-отечески: так первое время глядели опытные, понюхавшие океана яхтсмены на Шведа с его лиманско-черноморским опытом.

— Чтобы долго не рассусоливать, — заговорил Рублев, явно обращаясь к Шведу, — то мой ответ «нет». Могу объяснить почему, если надо.

Рублев насыпал «Млесну» в изящный, явно расписанный руками, а не фабрично заварничек.

— И почему? — угрюмо поинтересовался Швед.

— Надоели эти крысиные бега, — честно признался Рублев. — Пожить хочу. Как люди, если понимаешь, о чем я. Дочку растить...

— Грядки полоть, — опять встрял Ефим.

— Грядки есть кому полоть и без меня, — ухмыльнулся Рублев. — Но в целом ты прав. Надоело мне мир спасать и подставлять шею под очередной фаербол, тем более что моего интереса в этом обычно немного. Хватит, пусть теперь Завулон на ком-нибудь другом поездит.

— Почему Завулон? — удивился Швед.

— А кто, по-твоему, Лайком вертел, как хотел? А тот в свою очередь — нами?

— Ну прям уж «как хотел»! — возразил Швед.

Рублев вздохнул, накрывая чайник крышечкой:

— Да все равно по сути верно. Кому они нужны, эти Дозоры? Магам с амбициями разве что. А мои амбиции теперь с криком «Папа, просыпайся!» меня по утрам будят. И — ей-ей! — мне это очень по душе.

— Должен же быть какой-то порядок? — Швед даже растерялся. Как и сам Рублев, он заранее уловил общий эмоциональный фон будущего разговора, но подобных откровений от Димки совершенно не ожидал.

— Да какой порядок? — Рублев вяло отмахнулся. — В Киеве Дневного Дозора уже почитай пару лет что и нет. Светлые суетятся — с этим не спорю, а наши поразбредлись кто куда. Ну и, спрашивается, мир рухнул?

— Рухнуть не рухнул, — ревниво заявил Ефим, — но поприжали нас Светлые, что бы ты там ни рассказывал. А офис? Офис, Тьма их всех забери, тоже простить? А «Викторию»?

— Офис — это просто дом, — спокойно ответил Рублев. — Здание. Красивый дом, не спорю. Но в Киеве таких еще найдется. Кто захочет в войнушку играть, найдет новый офис и продолжит бодаться со Светлыми. Но без меня. В гости заходите хоть днем, хоть ночью, хотя лучше все-таки днем. А в Дозор — нет, дружище. Отдозорил я свое. Может быть, потом и заскучаю. Тогда вернусь, конечно. Но пока мне в это слабо верится.

— Дима, — чуть ли не с отчаянием сказал Швед. — Тезка! — Ну, Симонов еще подъедет. Как нам эту гору свернуть?

— Свернете, — очень спокойно пообещал Рублев. — Я чувствую.

Швед несколько минут молчал, только осторожно, чтобы не обжечься, чай прихлебывал. У Ефима то ли окончательно пропали задор и желание ехидничать, то ли он прочувствовал важность момента, но он тоже сидел и помалкивал.

— Хорошо, — наконец, возобновил разговор Швед. — Я вижу, для себя ты все решил. Что ж, твое право. Но хоть посоветуй, с какого конца братья? С чего начинать? Я же даже не местный!

— А это и к лучшему, — философски заявил Рублев. — У тебя нет никаких особых личных счетов с киевскими Светлыми, ты никому и ничем не обязан.

— А у вас, что ли, есть?

— Ну сам посуды, — пожал плечами Рублев. — Не помнишь, что ли, как тихо и мирно жили в девяностые? Со Светлыми иной раз даже попивали...

— Да, помню, — Швед поморщился. — Только это тут при чем?

— При чем... — проворчал Рублев многозначительно. — Паны дерутся — у холопов чубы трещат. Начальство, конечно, строгое, но в патрули по улицам мы обычно без Лайка ходили. А Светлые — без фон Киссеся. Много приходилось на месте решать, полюбовно. Мы — вам, вы — нам...

Потому, думаю, и мир был так долго. А кроме того, я совершенно не удивлюсь, если наши Высшие вместе со Светлыми в каких-нибудь Куршевелях иногда ошивались. Располагала обстановочка. Скажешь, нет?

— Не поспоришь, — вздохнул Швед. — Располагала... Тогда вообще все благодушные были, не то что в Москве. Но вообще озадачил ты меня, тезка. Под таким углом я на проблему вообще глянуть не догадался.

— Пожалуйста, — Рублев величаво и вместе с тем добродушно вскинула руки. — А что до того, с чего начинать... Понятное дело, с чего. С офиса. Уж до этого ты явно должен был додуматься. Додумался ведь?

— По правде говоря, даже уже выбрал.

— «Кошкин дом»? — предположил Рублев.

— Он самый, — Швед поджал губы и покачал головой. — Во-первых, от вас фиг чего скроешь, а во-вторых, оно просто напрашивалось. Да и нравился мне он. Всегда.

— Комнату с башенкой себе отслонявишь? — Рублев прищурился с довольно-таки хитрым видом. Ефим тоже лыбился, как умел только он: вроде и без издевки, но и не без ехидства.

— Куда ж я денусь... — покорно выдохнул Швед. — Да, други, успели вы меня изучить как облупленного. Хорошо, с офисом понятно. А дальше?

— А дальше к тебе заявятся Светлые и начнут пугать, — сообщил Рублев. — И от того, как ты себя поведешь, будет зависеть очень и очень многое. По крайней мере, именно в этом месте вероятности расходятся, и среди них трудно выделить основную. Так что будь готов, тезка. Аки пионер.

— Тьфу ты! — нахмурился Швед. — Ты что, по совместительству еще и пророком заделался?

Рублев ответил неожиданно серьезно, так что у Шведа даже в груди чуток похолодело:

— Я — нет. Зато у меня дочка пророк.

Наступившую тишину нарушило только озадаченное Ефимово:

— Оп-паньки!

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Так пророк? Или все-таки прорицательница? — осторожно уточнил Ефим, когда молчание в очередной раз стало невыносимым.

— Не знаю! — резко ответил Рублев. — Может быть, вообще ни то, ни другое. Она еще и говорить-то связно не очень умеет. Куда ей пророчить? Но она предвидит будущее и как-то транслирует это на меня. Глянет вот так

иной раз прямо в глаза, и я вдруг понимаю: завтра придут Швед с Ефимом. Вчера, к примеру, глянула.

— Может, это ты сам? — еще осторожнее предположил Швед.

Рублев вяло покачал головой:

— Вряд ли. Вероятности я, конечно, прикидывать всегда умел — я все-таки немножко маг. Умел и умею. Но тут совсем другое: тут не вероятности — тут абсолютная уверенность. Вроде дежа вю, только направленное в будущее. И оно до сих пор всегда сбывалось. И всегда — всегда! — сначала Маришка на меня глядит. И взгляд у нее при этом... Как бы это сказать попонятнее... Не детский, вот. Это быстро проходит, она потом балуется себе, как будто ничего не было. А я просто открываю для себя кусочек будущего. Иногда — еще немного для других.

— Интересные дела, — пробурчал Швед. — Слушай, а дочь тебе ничего такого связанного с Дозором не напророчила? Может, ты поэтому и отказываешься?

— Пока не напророчила, — угрюмо сказал Рублев. — Я бы не стал врать, ты меня знаешь. Просто решил... перестраховаться. Пусть подрастет, а там видно будет.

— А жена как? — не слишком тактично вмешался Ефим. — Она ж у тебя не иная.

— А никак, — у Рублева странно дернулась щека. — Она ничего и не знает. Даже обо мне.

— Монстр ты, — вздохнул Ефим. — Два года уже маскируешься.

— Это нетрудно, — холодно заметил Рублев. — Будь я просто оборотнем, тогда да. Но я же маг. Метаморфоз у меня вот где, — Рублев продемонстрировал весьма убедительный крепко сжатый кулачище. — Я уже и не помню, когда в последний раз перекидывался. Да, честно говоря, особо и не тянет. Вон с собачками иногда по траве поваляюсь, порычу, за загривки их потреплю — и довольно. Они-то все как надо понимают, не то что люди...

Швед залпом допил чай и в упор поглядел на Рублева:

— Ну что же... Мы всё поняли. Займемся тогда офисом. Так, Ефим?

— Нет проблем, — Ефим пожал плечами. — Риелтор у меня на поводке. Правда, уйдет какое-то время на расселение — это к бабке не ходи. Да и денег, не знаю, хватит ли... Там больше десятка квартир, а Гоголевская — это центр, считай...

— Хватит денег, — буркнул Швед. — Нам за старый офис положена компенсация, Прага оплатит.

— Тогда и думать нечего, — Ефим на глазах повеселел. — Есть шансы управиться за неделю. Главное, чтобы квартиры для аборигенов быстро нашлись.

А там — всем плюс одна комната, и выметутся, как миленькие. Переезды я им, опять же, организую: концы остались. А вот дальше — ремонт, и это, братцы, такая гнусная штука, что любая магия бессильна: месяца три-четыре, никак не меньше. Пошли, шеф.

Швед молча встал.

* * *

— Ты чего машину-то не стопоришь? — Швед отвлекся от размышлений, в которые поневоле то и дело погружался, и легонько пихнул Ефима локтем в бочину.

— Ща, — сонно ответил тот. — Через шесть минут хороший BMW проедет.

— А другие машины тебя не устраивают, что ли? — искренне удивился Швед.

— Не-а, — вздохнул Ефим. — Ну нравятся мне «бэхи», что делать?

— Чудак-человек, — проворчал Швед. — Не все ли равно, на чем ездить?

Ефим поборол сонливость и с интересом воззрился на Шведа:

— Конечно, не все равно! Ты ж на «Баварии» у себя не ходишь?

— Не хожу, — подтвердил Швед, который уже все понял. — «Дюфур»! Только «Дюфур»!

— Вот видишь!

— Вижу... Осознал я, осознал! Вон она, твоя «бэха», тормози.

«А шести минут-то не прошло! — подумал Швед вскользь. — Просчитался напарничек!»

Ефим с непривычно серьезным лицом заработал, однако автомобиль и так уже начал притормаживать и жаться к обочине. Глаза у водителя, конечно же, были стеклянными.

— Все-таки твоя аналогия не совсем уместна, — продолжил Швед уже в машине, когда тронулись. — Яхта — тот же дом, он должен быть своим в доску. Крепким, надежным и все такое. А что до машины, так мы на ней сейчас подьедем, выйдем и, скорее всего, никогда больше не увидим. Подъехать можно и на «Запорожце».

— Можно и на «Запорожце», — лениво согласился Ефим. — Но лучше все-таки на BMW.

— А если бы мимо «мерс» хороший проехал, ты бы его тоже не тормознул? — продолжал допытываться Швед.

— Не, «мерсы» тормозить нельзя, проблемы могут быть, — сказал Ефим совершенно серьезно.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	4
Глава первая.....	9
Глава вторая.....	19
Глава третья.....	42
Глава четвертая.....	56
Глава пятая.....	67
Глава шестая.....	79
Глава седьмая.....	94
Глава восьмая.....	103
Глава девятая.....	117
Глава десятая.....	136
Глава одиннадцатая.....	158
Эпилог.....	178

Литературно-художественное издание

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ИМЕНЕМ ТЬМЫ
Время инверсий

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 08.2023.
Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, Ульяновская обл.,
г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.